

Глава первая

8 февраля 1870 года
Денвер, штат Колорадо

Саманта перестала нервно расхаживать по комнате, стоило ей увидеть свое отражение в большом овальном зеркале, висящем над камином. Девушка стояла на противоположной стороне комнаты достаточно близко, чтобы видеть себя в полный рост. Глаза ее сверкали. Признаться, она выглядела весьма соблазнительно в своем элегантном дамском наряде, состоящем из юбки и жакета, сшитых из темно-зеленой тафты, отделанной черным бархатом, однако все внимание девушки приковали ее волосы. Саманта не меньше часа потратила на то, чтобы уложить кудри в замысловатую прическу, а теперь из-за нервного хождения по комнате шпильки выпали, и две шелковистые пряди цвета осенних листьев выбились и свешивались до ее осиной талии.

Едва не заскрежетав зубами, Саманта продолжила метаться по большому гостиничному номеру, который делила с подругой Жанеттой Элстон. Даже если бы Жанетта сейчас была рядом, скрыть свое раздражение Саманте было бы отнюдь не просто, пусть даже в присутствии подруги. Обычно она старалась сдерживаться, когда рядом с ней находилась эта миниатюрная блондинка, но сегодня... Саманта просто бушевала из-за переполнявшей ее ярости.

Наконец разгневанная девушка остановилась перед овальным зеркалом. Уперев руки в бока, она уставилась на свое отражение. Огромные изумрудные глаза горели на ее лице.

— Ну что, Саманта Блэкстоун Кингсли, довольна собой? — прошипела она, обращаясь к своему отражению. — Ты не пошла, и снова позволяешь себя расстроить. Полюбуйся на себя! *Estúpida!*¹

---

¹ Глупо (*исп.*).

Саманта часто вставляла в свой разговор испанские словечки, особенно крепкие, ибо знала этот язык ничуть не хуже, чем английский. Девушка порывисто заправила выбившиеся пряди волос, особо не заботясь о том, как они лягут. Если она все же покинет пределы гостиничного номера, можно будет замаскировать беспорядок, царящий в волосах, зеленой бархатной шляпкой. Но это случится, если Адриан все же соизволит повести ее в ресторан...

Минул час... еще один... В желудке у Саманты заурчало, что лишь усилило ее ярость. Зачем она сказала Жанетте, что дождется ее брата? Ей следовало бы пойти вместе с Жанеттой. Но нет же, Саманте захотелось остаться вдвоем с Адрианом, ведь им никогда не удастся побыть наедине...

Она влюбилась в Адриана и обожала его, но при этом не могла ему открыться, ибо никогда не оказывалась с ним наедине... Вот и сейчас Адриан опаздывал... Он вечно опаздывает... Но на этот раз его непунктуальность не на шутку взбесила Саманту. У нее была возможность объясниться с ним, а Адриан все испортил, опоздав в очередной раз. Когда он придет... если придет, она, пожалуй, не сдержится, слишком уж много накопилось у нее на душе, и выскажет Адриану Элстону все, что она о нем думает. Как же у нее разыгрались нервы!

Почему она в него вообще влюбилась? Утонченный Адриан... привлекательный... нет, по-настоящему красивый. Не слишком высокий, но весьма мускулистый и мужественный.

Он станет ее мужем. Пока, конечно, Адриан этого не знает, а вот Саманта поняла это еще два года тому назад, когда впервые его встретила и пришла к выводу, что он создан именно для нее. Саманта всегда добивалась того, чего хотела. С тех пор как десять лет тому назад, когда ей было всего девять лет, Саманта перебралась жить к отцу, она всегда поступала по-своему. Теперь Саманте захотелось заполучить Адриана, и она получит его любым способом, если, конечно, не отпугнет сегодня.

Нужно непременно успокоиться, потому что нельзя позволить себе излить всю накопившуюся желчь на Адриана. Он просто не знает, что она может быть такой гневливой. В его присутствии Саманте всегда удавалось казаться милой и благовоспитанной юной леди. С тех пор как Жанетта призналась, что брат не переносит душевных треволнений, Саманта никогда не повышала голос в его присутствии. Она вела

себя спокойно, даже кротко. А это, надо признать, было блестящим достижением, учитывая ее пылкий темперамент.

Учитель называл ее испорченной девчонкой, своевольной и эгоистичной. Он просто не знал, что Саманте пришлось испытать в течение первых девяти лет ее жизни, проведенных с бабушкой в Англии. Он не знал, что, раз вкусив свободу, она не могла поступиться ею ни на йоту. Девушка теперь изо всех сил старалась забыть жестокость, которую довелось ей перенести в первые годы жизни. Она твердо решила всегда поступать так, как считает нужным. Если ради достижения цели ей приходилось иногда проявлять характер, разве это свидетельствует о ее испорченности? Она раз и навсегда выбрала свой путь.

Мария, экономка семьи Кингсли, заменившая Саманте мать, была куда добрее, чем учитель. Мария называла ее *pequeña zorra*, маленькой лисичкой.

— Ты хитра как *la zorra, niña*¹, — говорила Мария всякий раз при виде упрямого огонька, вспыхивающего в глазах девочки.

Однажды экономка развила свою мысль:

— Ты достаточно умна, чтобы командовать своим папой, но однажды ты встретишь мужчину, который тебе не подчинится. Что ты тогда будешь делать, *niña*?

На это Саманта насмешливо ответила:

— Мне не нужен мужчина, которым я не смогу вертеть, как сама захочу. Зачем мне он сдался? Я не собираюсь терять свободу.

Это было... Когда это было? Почти три года назад, незадолго до того, как она уехала на Восток, чтобы закончить школу, но мнение Саманты с тех пор не изменилось. Она сумеет управиться с Адрианом. Она уверена в этом, уверена до такой степени, что готова выйти за него замуж.

Пока он не знает о ее чувствах и планах. Саманта подозревала, что Адриан вообще едва ли замечает ее. Это обстоятельство задевало ее самолюбие. Чем-чем, а красотой, которую она раньше не замечала и не придавала ей значения, Господь ее наградил. Теперь же, несмотря на все старания Саманты подчеркнуть то, чем одарил ее Всевышний, Адриан по-прежнему не обращал на нее внимания. Красота же ее была почти классического типа: темно-

---

¹ Лиса, девочка (исп.).

золотистые волосы, когда на них падал солнечный свет, отливали багрянцем, глаза сверкали, словно два изумруда, на прекрасной стройной фигуре подолгу останавливались взгляды незнакомцев. Но разве Адриан видит это? Кажется, он смотрит не на нее, а сквозь нее. Это сводило ее с ума.

Вдруг желудок Саманты издал неприлично громкое урчание, смутив и нарушив ход ее мыслей. Она взглянула в зеркало на свое отражение еще раз и, повинувшись внезапному порыву, выдернула все шпильки, которые еще недавно с такой тщательностью втыкала в свои прекрасные рыжие волосы, позволив им рассыпаться по плечам немислимыми волнами локонов и завитушек.

— Что сделано, того не воротишь, — раздраженно произнесла она, в душе досадуя на свою порывистость. — Теперь я не смогу пойти, даже если ты, Адриан, все же явишься.

Слишком поздно Саманта поняла, что наказывает не его, а себя. Адриану ведь все равно. Будучи человеком, почти лишенным эмоциональности, он просто не поймет, что его опоздание могло ее расстроить. А может, и вообще не появится. Время для обеда давно минуло. Ожидает ли до сих пор их Жанетта в ресторане вместе с болтливой вдовой, с которой они познакомились в тряском дилижансе по дороге из Шайенна в Денвер? Миссис Бейн добровольно приняла на себя роль старшей наперсницы девушек. А может, Адриан из-за того, что опаздывал, поехал прямо в ресторан? Не исключено, что он попросту позабыл о том, что должен за ней заехать...

— Черт его подери, — негромко выругалась Саманта.

Она была одна, и никто не будет шокирован столь вопиющим нарушением этикета.

— Если бы я не любила, я бы просто его убила.

В дверь постучали. Саманта вздрогнула. Ее глаза сузились, а затем расширились от досады, когда девушка вспомнила, что натворила со своими волосами. Почему он не приехал пятью минутами раньше, пока она не поддалась эмоциям?

— Уходите, Адриан, — сдержанно приказала Саманта. — Я передумала сегодня обедать.

Будет ли Адриан разочарован?

Стук в дверь повторился, и девушка нахмурилась, направляясь к двери.

— Разве вы меня не слышали?

— Слышал, мисс Кингсли. Почему вы мне не открываете?

Саманта замерла на месте. Это был не Адриан. Голос был, впрочем, ей знаком. Это Том... Том... Она не запомнила его фамилию. Этого человека Саманта впервые повстречала на прошлой неделе — на почтовой станции дилижансов в Денвере. Она сразу же произвела на него сильнейшее впечатление, чего нельзя было сказать о самой Саманте. Том оказался высокомерным хамом. В течение всей недели он оказывал ей назойливые знаки внимания, следуя за ней повсюду и заговаривая при каждом удобном случае. Том оставался глух ко всем ее намекам, что он абсолютно ей безразличен.

Молодой человек отличался несколько грубоватой красотой. В Денвер, подобно многим другим, он приехал в поисках серебра. Золотоносные жилы в районе Пайкс-Пик почти истощились, но год назад найдено было серебро.

По правде говоря, Саманту порой пугала интимность его разговоров, которые он заводил всякий раз, когда никто посторонний не мог их слышать. А еще глаза Тома постоянно шарили по ее фигуре с таким видом, словно мужчина старался представить, что же скрывается под тканью, и это ему неплохо удавалось. Больше всего девушку выводила из себя его уверенность в том, что Саманту влечет к нему, хотя она ничем не давала поводов для подобных инсинуаций. Недавно она встретила его в вестибюле отеля и намеренно не смотрела в его сторону, но Том схватил ее за руку, остановил и предупредил, чтобы перестала вести себя так неприступно. А еще он сказал, что теряет терпение. Саманта настолько была шокирована, что не нашлась, что ответить на вопрос Жанетты, все ли в порядке.

Теперь он стоял у двери. Зачем?

Наглости ему, во всяком случае, хватало на то, чтобы стучать все громче и настойчивее.

— Ну же, мисс Кингсли! Откройте дверь.

— Уходите отсюда. Разве вы меня не слышали? — раздраженно заявила она. — Я не собираюсь открывать. Уходите немедленно.

Стук прекратился, а потом она услышала, как скрипит, поворачиваясь, дверная ручка. У Саманты перехватило дыхание. Нервы! Хуже всего, что дверь оказалась не заперта. Дверь медленно приоткрылась. Высокий молодой человек с ухмылкой на лице вошел в комнату и прикрыл за собой дверь.

На секунду Саманта потеряла дар речи, но лишь на миг.

— Вы с ума сошли! — воскликнула она, отчетливо выговаривая каждое слово. — Убирайтесь отсюда!

Его это лишь позабавило. Том отрицательно покачал головой.

— Я останусь, мисс, пока мы не поговорим.

Саманта всплеснула руками.

— Господи! Вы сумасшедший! — сделав над собой усилие, девушка постаралась немного успокоиться и повести себя разумно. — Послушайте, мистер... Как вас там?

Глаза мужчины сузились, и он отрывисто произнес:

— Не притворяйтесь, что вы не знаете, как меня зовут. Я Том Писли.

Саманта пожала плечами. Она никогда прежде не слышала его фамилию, но хорошо помнила, как и о чем он с ней говорил. Из-за его преследований теперь Саманта не могла одна покинуть отель. Том вечно слонялся в вестибюле, карауля ее.

— Мне все равно. Разве вам непонятно? Почему бы вам не оставить меня в покое?

— Мисс Кингсли! Я вас слышу, но оставьте мне решать, как себя вести... Когда вы перестанете притворяться?

— Как вас понимать?

— Вы прекрасно знаете, что я имею в виду, — прорычал он.

Саманта прикусила язык. Кажется, он не на шутку рассержен. Пока что он вел себя с раздражающим упрямством невоспитанного мужлана, но реальной угрозы от Тома не исходило, хотя он был очень высок, силен, грузен, смугл от солнца, с накачанными от работы в чужих копиях руками и ногами. Ему пришлось вкалывать на других в ожидании, пока удача ему улыбнется и он найдет серебро. Девушка помнила, как Том рассказывал ей, что в Денвер он приехал в поисках удачи. Ему нравилась суতোлка большого города, а Денвер был большим и преуспевающим даже по меркам восточных штатов. В отличие от большинства городов, рожденных золотой лихорадкой, Денвер выжил и продолжал процветать.

— Так как же, мисс?

— Что такое?

— Вы не ответили мне.

Он провел большой рукой по своим рыжим волосам. Его колючие карие глаза едва ли не прищипили ее к тому месту, где она стояла.

— Когда вы прекратите притворяться, и мы сможем серьезно поговорить? Сейчас самое время нам поговорить честно, по душам.

— Нам? — вырвалось у девушки. — Никаких «нас» нет! Почему это вообще взбрело вам в голову?

— Перестань, девчонка! — воскликнул он. — Я предупреждал тебя сегодня утром, что теряю терпение. Или ты будешь вести себя дружелюбней, или я не отвечаю за последствия.

Саманта стояла, словно громом пораженная. Она сдержалась. Вспышка его гнева не на шутку ее встревожила. Он был очень сильным и грузным мужчиной. Рядом с ним ее пять футов и четыре дюйма казались еще меньше. В том, что он способен на насилие, сомневаться не приходилось. Есть ли у нее шанс защититься, если дойдет до этого? Что, ради всего святого, она сделала, чтобы у Писли возникла фантазия, будто бы он ей нравится?

Он сердито смотрел на нее, ожидая ответа. Саманта нахмурилась. Как же избавиться от него? О Боже! Почему не пришел Адриан? Он прекратил бы это.

— Мистер Писли... Том... Почему бы нам не обсудить сложившееся положение по дороге в вестибюль? — Саманта мило улыбнулась, надеясь, что такая перемена настроения не вызовет у него подозрений. — Проводите меня до ресторана, где меня ждет подруга, мисс Элстон.

Том лишь упрямо покачал головой.

— Мы никуда не уйдем, пока не поговорим.

Его упрямство взбесило ее, и Саманта забыла об осторожности.

— Как вообще можно о чем-то говорить, если вы не желаете ничего слышать? — воскликнула она пылко. — Правда в том, что вы мне совсем не нравитесь! Вы настолько мне надоели, что я начинаю вас ненавидеть. Разве этого недостаточно, мистер Писли?

Сделав два широких шага, он навис над ней. У Саманты перехватило дыхание, когда мужчина схватил ее за плечи и встряхнул. Голова у нее запрокинулась, и взглядом она встретилась со злыми глазами Тома.

— Ты лжешь! — злобно проворчал он и еще раз ее встряхнул. — Я знаю, что ты лжешь. Зачем?

Слезы защищали ей глаза.

— Пожалуйста, отпустите. Вы делаете мне больно.

Он не ослабил хватки.

— Ты сама, черт возьми, виновата!

Он приблизил к ней свое лицо. Саманта решила, было, что он хочет ее поцеловать, но Том только уставился в ее блестящие от слез глаза. Кажется, он решил заставить ее произнести то, что хотел от нее услышать.

Уже не столь грубо он произнес:

— Почему ты не можешь признать, что я тоже тебе нравлюсь? Увидев тебя, я сразу же понял, что мы созданы друг для друга. У меня были женщины, но я всегда их бросал. Я никогда не хотел ни на ком жениться, пока не встретил тебя. Ты ведь хочешь услышать от меня, что я готов взять тебя в жены?

— Я...

Саманта хотела было возразить, но вовремя вспомнила о его нраве... о ее собственном, кстати, тоже... Она попыталась оттолкнуть его, стараясь высвободиться, но мужчина не ослабил своей хватки.

— Отпустите меня! — потребовала она.

— Не отпущу, пока не ответишь мне.

Саманте хотелось заорать, выругаться, но леди не пользуются крепкими словечками. Это прочно вдалбливали ей в голову в течение последних нескольких лет. Леди ругаются только мысленно, могут еще выругаться, находясь в одиночестве, но не слишком грубо, если по-другому уж никак нельзя, но леди ни в коем случае не должны чертыхаться на публике. Какая жалость, ведь у Саманты имелся для этого мужлана вполне обширный перечень крепких эпитетов. Кое-какие из этих слов относились к отборной брани. Девушка слышала их на ранчо от *vaqueros*¹ отца. Они говорили при ней совершенно свободно, не подзревая, что юная английская мисс быстро учит испанский.

Большинство этих слов ничего не значили для нее в столь юном возрасте. Однажды она спросила Марию, что означает *puta*², и та влепила девочке пощечину. Саманта после этого с неделю не разговаривала с Марией и больше никогда не спрашивала значения этого и других слов.

Позже, когда она училась в школе на востоке страны, девочки, пока взрослых поблизости не было, открыто обсуждали при ней

---

¹ Мексиканские ковбои.

² Шлюха (*исп.*).

мужчин и секс. Они охотно отвечали на ее вопросы, несколько не шокированные, разве что чуть-чуть, обширным словарным запасом Саманты, не сопоставимым с репутацией благовоспитанной юной леди.

Вот только при этом мужчине очень трудно было помнить, что ты леди. Она бы все сейчас отдала за оружие в руках. Но дерринджер, всегда хранившийся в ее дамской сумочке, сейчас лежащей на письменном столе, не подходит. Однозарядный пистолет хорош для города, где единственный выстрел привлечет внимание тех, кто готов помочь девушке. Ей необходим шестизарядный револьвер, лежащий у нее в спальне.

— Я жду, мисс. Я уже чертовски устал ждать, — пробурчал Том.

Саманта глубоко вздохнула, чтобы сдержаться и не заорать ему в лицо то, что она думает о нем на самом деле в крепких выражениях.

— Вы ждете ответа, а я хочу сперва спросить вас: с какой стати вы решили, что я влюблена в вас?

Мужчина нахмурился.

— Это глупый вопрос.

— И все же ответьте. Сделайте мне одолжение.

— Что?

— Ответьте! — сердито произнесла Саманта.

— Ну... сами знаете... Когда вы увидели меня, то заулыбались... глядели на меня своими красивыми зелеными глазами. Вы — самая красивая девушка из всех, кого я знал. Я сразу понял, что вы будете моей.

Саманта вздохнула. Господи! Больше она никогда из вежливости не улыбнется постороннему мужчине.

— Мистер Писли! Улыбка вовсе не означает любовь, — произнесла она. — Я улыбалась всякому встречному в тот день просто потому, что путешествие окончилось, что, по крайней мере, еще несколько недель я не сяду в почтовый дилижанс. Я улыбалась всем. Неужели вы не понимаете?

— Нет, вы улыбались мне по-особому, — упрямо запротестовал Том. — Я умею отличить одно от другого.

Черт! До чего же он глуп!

— Сожалею, — сказала она твердо, — но вы обманулись, мистер Писли.

— Зовите меня Том.

— Не хочу, — отрезала она. — Как вы не поймете? Я не желаю с вами знаться! Я люблю другого, мистера Элстона, с которым вместе приехала сюда. Я собираюсь выйти за него замуж. Надеюсь, теперь вы меня отпустите и покинете мой номер?

Вместо того чтобы рассердиться, Том Писли рассмеялся.

— Теперь я точно знаю, что ты лжешь. Я видел вас рядом. На сестру он обращает больше внимания, чем на тебя.

Это задело Саманту за живое, ибо было чистой правдой.

— Это не ваше дело. Я его люблю.

Ее настойчивость рассердила мужлана.

— Я бы убил его, если б тебе поверил.

А потом он ее поцеловал. Саманта не была готова к подобной грубости. Сжимаемая его ручищами, она ощутила во рту привкус собственной крови, когда мужчина грубо впился своим ртом в ее губы, придавив их к зубам. Вопль протеста застрял у нее в горле.

Он отпустил ее так неожиданно, что Саманта не сразу поняла это, застыв как соляной столп.

Ледяным тоном Том произнес:

— Я могу быть нежным любовником, а могу заставить тебя страдать. Однажды я чуть не убил девчонку, которая слишком задалась передо мной, а вы, мисс, делаете то же, что и она: задаетесь и дразните меня.

Ей следовало бы испугаться, но нет же! Саманта пришла в ярость. До сих пор никто не осмеливался так с ней обращаться, и она не намеревалась дальше это терпеть. Саманта ударила его с такой силой, что другого отбросило бы к противоположной стене комнаты, а Том Писли даже не сдвинулся с места. Впрочем, удар застал его врасплох. Такого грубиян никак не ожидал и стоял с открытым от удивления ртом. Воспользовавшись его замешательством, Саманта извернулась и побежала в спальню.

Дверь захлопнулась у нее за спиной. Замка на ней не было, и Саманта не знала, уйдет ли Том, все поняв, или продолжит ее преследовать. Подскочив к туалетному столику, девушка выдвинула верхний ящик, ища револьвер. Через несколько секунд украшенная перламутром рукоятка легла в ладонь ее правой руки. Девушка крепко сжала револьвер. Она почувствовала себя уверенней.

Она хорошо умела пользоваться огнестрельным оружием. Стрелять ее научил Мануэль Рамирес. Муж Марии был старейшим из

vaqueros ее отца. Мануэль был упрям и этим походил на саму Саманту. Когда в двенадцать лет она устроила скандал, упрямо утверждая, что не нуждается в сопровождающем, пока катается верхом по обширным пастбищам ранчо, никто не смог ее вразумить, за исключением Мануэля. Тот пригрозил застрелить ее красивого белого мустанга, если она осмелится ездить одна, предварительно не выучившись стрелять. Мануэль обучил ее стрельбе не только из револьвера, но и из винтовки. Девочка оказалась хорошей ученицей. После этого никто не беспокоился, если она целый день и даже ночь проводила на отдаленном пастбище. Все знали, что необходимые меры предосторожности в виде быстрой лошади и кольта, висящего в кобуре на бедре, приняты.

К несчастью для Тома Писли, дурак решил последовать за ней в спальню. Он распахнул дверь. Глаза его широко открылись при виде направленного на него кольта.

— За каким чертом вам нужна эта штуковина, мисс?

— Чтобы заставить вас убраться отсюда вон.

— Вы считаете, это поможет?

— Уверена, мистер Писли, — сказала девушка спокойно. — Могу даже поклясться в этом на Библии.

На ее лице впервые появилась тень усмешки. Саманта снова почувствовала себя хозяйкой положения. Чувство было просто чудесным.

Вот только Том Писли этого пока не понимал.

— Я хочу лишь поговорить с тобой. Опустит револьвер.

Саманта рассмеялась, игриво поводя дулом револьвера. Кисть ее руки совершила несколько круговых движений. Дуло сначала уставило свое жадное жерло прямым на левое плечо мужчины, затем переместилось, целясь в живот, достигло правого плеча, а потом пустилось в обратный путь. Ее смех разнесся эхом по просторной комнате.

— Я хорошо стреляю, — глаза Саманты искрились весельем. — После всего, через что я по твоей милости прошла, мне бы хотелось продемонстрировать свою сноровку на тебе.

— Ты не посмеешь, — сказал Том с глубокой уверенностью.

Ее веселье мгновенно увяло.

— А почему бы не выстрелить? Я имею право тебя застрелить за нападение, даже за то, что ты вломился ко мне без разрешения.

Но я не хочу этого. Советую тебе подобру-поздорову обратиться отсюда... да поживее... Если ты не прислушаешься к моему совету, я отстрелю кусок кожи с внутренней части твоего правого бедра.

Самоуверенный тон Саманты вверг мужчину в бешеную ярость. Он шагнул к ней. Второго шага не последовало. Грянул выстрел.

Том, согнувшись, схватился рукой за правое бедро в нескольких дюймах от паха. Сквозь пальцы заструилась кровь. Попав точно в указанное Самантой место, пуля, пробив насквозь мышцу, вошла в дерево двери. Том смотрел на нее, не веря собственным глазам, а потом поднес окровавленную ладонь к глазам.

— Хочешь еще одно доказательство, прежде чем отсюда убе- решься? — спокойно спросила Саманта.

Едкий пороховой дым щипал ей глаза, но руку с револьвером она держала твердо. Дуло нацелено было напрямиком на Писли. Кажет- ся, злобы в нем сейчас только прибавилось.

— Как насчет левого бедра? Только на этот раз я буду целиться чуточку повыше... — продолжила Саманта.

— Чертова...

Револьвер выстрелил во второй раз. Том взвыл от боли, когда пуля опалила нежную плоть левого бедра.

— Теперь понятно, что я не шучу, мистер Писли? Уйди из мое- го номера. Исчезни из моей жизни. Или ты хочешь истечь здесь кровью? Может, желаешь получить еще одну пулю на память? Скажем, в правое плечо?

Он тупо уставился на Саманту. Кровь струилась по его ногам. Темные пятна расплывались по светло-серой ткани его штанов. Ручейки крови достигли уже сапог. Саманта видела, что мужчину сжигает желание дотянуться до нее и, если ему удастся, он ее, скорее всего, убьет.

— Я теряю терпение, мистер Писли, — холодно проговари- ла она.

— Ухожу, — хриловато ответил он и повернулся.

Выйдя из спальни, Том задержался у двери, ведущей в коридор. Саманта следовала за ним, держась на безопасном расстоянии и не опуская револьвера. Дуло все так же целилось в хромающе- го мужчину.

Когда мужчина у двери остановился, она произнесла:

— Хочешь, чтобы я проводила тебя из отеля?

Том упрямо расправил плечи, услышав предложение Саманты, и повернулся к ней лицом. Третья пуля, вонзившись в правое плечо, отбросила его. Том ударился спиной о дверь.

— Живей! — крик Саманты перекрыл звук выстрела.

Пороховой дым выедал глаза. Слезы бежали по щекам. Она залилась за то, что ее заставили зайти так далеко.

— Убирайся!

Том подчинился. Наконец-то он, кажется, отступился. Саманта прошла за ним через коридор, словно не замечая вызванного ее выстрелами переполоха. Постояльцы повыскакивали из своих номеров. Она шла на расстоянии за Писли, направлявшемуся к заднему выходу из отеля. Они преодолели лестницу, ведущую к черному ходу. Девушка подождала, пока он справится с дверью. Пока мужчина возился с ручкой, она подошла к нему совсем близко. Она теряла терпение. Мужчина ступил на крыльцо, а потом резко развернулся и взмахнул левой рукой, желая добраться до Саманты. Его кулак так и не достиг своей цели — грянул выстрел. Четвертая пуля пробила мышцы левого предплечья.

Хотя его лицо и было искажено болью, в глазах бушевала злоба. С протянутой к ней руки на деревянные доски крыльца капала кровь. В раненой руке не было прежней силы, но пальцы все равно тянулись к девушке.

Скривившись, Саманта отпрянула назад.

— Ты *loko*!¹ — прошипела она.

При виде крови, струящейся из руки, плеча и ног мужчины, девушку начало подташнивать. Он стоял перед ней, словно неуклюжий вол, не имеющий достаточно ума, чтобы отступить.

— Я не хотела в тебя стрелять, — нервничая, произнесла она. — Все, что тебе нужно было сделать, — оставить меня в покое. Черт тебя поберит! Ты уйдешь, наконец? Просто уходи!

Она уже его просила, но упрямый дурак сделал еще шаг вперед. Кончики его пальцев коснулись ткани ее жакета. Револьвер выстрелил в пятый раз. Девушка разрыдалась. Пуля угодила ему в голень. Саманта не знала, попала ли она в кость или промахнулась, — рука ее слишком дрожала. Мужчина споткнулся, потерял равновесие, грохнулся на ступени и покатился по ним вниз.

---

¹ Безумец (*исп.*)

Саманта, стоя наверху и затаив дыхание, смотрела на распластавшегося в пыли Тома Писли. Она ждала. Жив ли он? Она не хотела его смерти. Она никогда никого прежде не убивала и не хотела начинать.

Мужчина зашевелился. Он даже попытался подняться на ноги. Его слегка покачало из стороны в сторону. Он все еще смотрел Саманте в глаза. Они оба прекрасно знали, что в револьвере осталась последняя пуля. Сможет ли он выдержать еще один выстрел, а потом вернуться в отель и убить ее? Она угадала его мысли.

— Ты — дурак! — крикнула она. — Разве не видишь, что я могу убить тебя в любой момент? У меня осталась последняя пуля. Ты не оставляешь мне выбора. Эта пуля вонзится тебе прямо в сердце. Не заставляй меня стрелять!

Казалось, Писли стоял, не зная, на что решиться, целую вечность. Наконец он повернулся и захромал прочь от отеля.

Саманта не знала, сколько времени она простояла, пока он скрылся из виду. Хотя снаружи холодно не было, ее колотил озноб. Наконец она вернулась в коридор отеля. При виде постояльцев, до сих пор стоявших в конце коридора, она покраснела. Издав пристыженный вскрик, девушка бегом вернулась к себе в номер, резко захлопнула и закрыла дверь, будто оградив тем самым себя от их любопытных взглядов. Она внеслась в спальню и бросилась ничком на кровать.

— Черт тебя побери, Том Писли! — выплеснула она свои чувства в ругательстве, совсем забыв, что сначала не хотела причинять ему зла. — Надеюсь, ты истечешь кровью и сдохнешь!

Но Саманта чувствовала бы себя еще хуже, если бы знала, что свидетелем сцены на лестнице был высокий темноволосый незнакомец.